Фрейндлих Алиса

8.05.93

Культура. — 1993. — 8 мая. — С. 9.

ВДЕВАЕТСЯ ЛУЧ НЕ В ИГОЛКУ...

О ее жизни в искусстве можно было бы написать целый роман. В ней есть сюжет, конфликт, крутые повороты. Но имидж Алисы Фрейндлих таков, что на поверхности — тишь да гладь. Ни лишнего слова, ни лишнего жеста. Как на сцене, так и в общественном мнении. На все просьбы об интервью отвечает согласием, но откладывает на будущее неопределенное время. По некоторым косвенным признакам можно понять, что все свободное время с недавних пор посвящено внуку. Но представить вчерашнего Малыша (из спектакля «Малыш и Карлсон, который живет на крыше») в роли бабушки довольно трудно. На фоне утрированной откровенности нынешних «звезд» ее закрытость, застегнутость на все пуговки, внешняя и внутренняя дисциплина выглядят пуризмом. Но вообще-то это обычная питерская интеллигентность.

Миф об актрисе тем устойчивей. Помню, несколько лет назад я спросила у Нодара Мгалоблишвили (тогда еще театры из Грузии приезжали в Ленинград на гастроли), кто из наших актеров ему нравится. Он без колебаний ответил: «Алиса Фрейндлих. Гениальная актриса». При этом выяснилось, что он ни разу не видел ее на сцене. Только в кино — «Сталкер», «Не горюй!», «Жестокий романс»... Но на экран попала сотая, а может быть, тысячная доля того явления, которое скрывается под именем Алиса. Те, кто знает ее только по фильмам, могут лишь догадываться о масштабах дарования А. Ф. На экран не попали, может быть, самые значительные работы в театре — «Таня», «Трехгрошовая опера», «Преступление и наказание»... Парадоксально, но мы, знающие ее как театральную актрису, тоже обладаем недостоверным знанием. И оттого, что она никогда не бывает «нараспашку». И оттого, что до сих пор не нашла режиссера своей «группы крови». И оттого, что, работая вместе с замечательными артистами, в сущности оставалась без партнеров.

Много лет играла Фрейндлих Гелену в «Варшавской мелодии». Партнеры часто менялись, и хоть были среди них и Анатолий Солоницын, и Игорь Ледогоров, но дуэта все равно не получалось. Пьеса, написанная о Викторе, упрямо становилась спектаклем о Гелене — балладой о женском одиночестве.

Судьба крупнейшей петербургской актрисы и драматична соразмерно дарованию.

В Театре имени Ленсовета она была на протяжении 20 лет солисткой, примой, вокруг которой все вращалось, на которую строился репертуар. Но премьерство это не было безоблачным счастьем, чаще оборачивалось тяжелой ношей. Страшно вымолвить, но мне кажется, что театр Игоря Владимирова не был ее театром. С каждым годом было все заметнее, что о людях, о жизни, о женской душе (да и об искусстве) Алиса знает больше, чем позволяют сказать опереточные версии «Укрощения строптивой» или «Дульсинеи Тобосской», или «Интервью в Буэнос-Айресе». Она рвалась к Анне Карениной и к Кручининой, а получала в лучшем случае Филаретову («Спешите делать добро»). Ее уход был предопределен, но заторможен типично женской потребностью в постоянстве, терпением и терпимостью, надеждой на то, что все «образуется».

Переход через Фонтанку — в Большой драматический — не был легким. Актриса не раз говорила, что для нее очень важно знать — впереди есть роль. «Я словно тот ослик, который бежит, если перед глазами висит морковка на удочке». Ничего, кроме роли Насти в «На дне», да и то в отдаленной перспективе, Г. А. Товстоногов не пообещал новой актрисе своего стабильного, укомплектованного, сбалансированного коллектива. Войти в эту труппу было непросто. Тем более что жить и творить мастеру оставалось всего несколько лет. Дебют состоялся раньше, чем ожидалось: в володинской «Киноповести с одним антрактом» не было главной героини. Товстоногов снимал с роли одну актрису за другой, пока не вспомнил об Алисе. Конечно, тут был известный компромисс: актрисе, уже дважды (дома и в «Современнике») сыгравшей Раневскую, предлагалось сыграть не фабричную, но девчонку. Фрейндлих не стала притворяться, не прятала ни возраст, ни интеллект. Она, как бывало и прежде, играла себя в предлагаемых обстоятельствах. И в какой-то мере выплеснула то неимоверное напряжение, которое испытывала в тот переломный во многих отношениях момент.

Уже уйдя из Театра Ленсовета, она доигрывала, кажется, одну лишь роль — Раневской в «Вишневом саде». Помню спектакль, когда она в последний раз выходила на сцену, знакомую до щепочки, до гвоздика. В тот вечер роль, которая, считалось, не вполне ей удалась (в спектакле, который во многом не удался режиссеру), озарилась новым светом: ее Париж был за Фонтанкой, Лопахин уже ничего не мог ей предложить, все было ложью, фальшью, от которой оторваться было трудно. Но она уже сожгла мосты. Пальцы дрожали, слезы накипали на глазах, но истерики не было. Раневская в тот вечер уже не верила в вишневый сад. Ей предстояло обрести новый или примириться с потерей.

Сейчас, когда Адольф Шапиро взялся за постановку «Вишневого сада» в БДТ, она, конечно же, не могла вновь играть Раневскую. Слишком много сил нужно, чтобы вновь вступать в эту реку. Фрейндлих репетирует Шарлотту, может быть, потому, что за ее иронией легче спрятать боль?..

Стала ли за эти десять лет она артисткой БДТ? Трудно сказать. Ролей было немного, а после смерти Георгия Александровича и вовсе некому заботиться об «удочке с морковкой». Самой значительной работой стала, пожалуй, леди Мильфорд в спектакле Т. Чхеидзе «Коварство и любовь». Но это опять соло. Голос одинокого человека. Может быть, судьба?..

И все же в БДТ Фрейндлих нашла партнера — Владислава Стржельчика. Во время репетиции «Этот пылкий влюбленный» Н. Саймона они, говорят, перепортили друг другу немало крови. Дуэт складывался мучительно. Зато потом случилось чудо: два столь разных человека и актера стали понимать друг друга с полуслова. Жаль только, что основа для дуэта столь незначительна: неиссякаемый кассовый успех — это одно, а душевные затраты — другое.

Рождение звездного дуэта прошло незамеченным как для критики, так и для режиссуры. Никто не бросился к ним с идеей нового спектакля. Чего здесь больше — страха или равнодушия? Пришлось актерам самим придумывать себе следующую работу — отредактировали игранную Алисой в кино арбузовскую «Старомодную комедию» и сыграли в концертном варианте под крылом театра «Русская антреприза» имени Андрея Миронова. И, как ни странно, в старой, отчасти устаревшей пьесе обнаружилось то, чего жаждет душа сегодняшнего зрителя,— забытые чувства, трогательное целомудрие, забытые слова, забытые и трогательные приметы невозвратного недавнего прошлого. Советская мелодрама во всем своем блеске. К которой благодаря Фрейндлих и Стржельчику не испытываешь ни малейшей иронии. Только нежность, с какой обычно перелистываешь старый семейный альбом и смотришь на маму в креп-жоржетовом платье с воланами или на дедушку, опирающегося на этажерку.

Имя Фрейндлих появляется и на других афишах «Русской антрепризы». То в цикле «Петербургские театральные династии», то в одной программе с кем-нибудь из московских знаменитостей. На этих вечерах Алиса не рассказывает привычных актерских баек. Она читает стихи Марины Цветаевой.

Впервые актриса отважилась на это десять лет назад — в тот самый переломный момент. В минуту разочарования в театре, пусть не в театре как таковом, а в конкретном, с его бытом, с его пошлостью, равнодушием к актеру, пестротой одежд, в которые сегодня рядится бездарность, а завтра — талант... О тогдашнем Театре Ленсовета петербургский критик И. И. Шнейдерман говорил, что это газировка с сиропом, которая притворяется шампанским. Тогда-то и пришла как откровение, легшее на душу, Цветаева: «Сущность Поэта — верить на слово!».

Они неминуемо должны были встретиться. Тайное сродство мирочувствований должно было выплеснуться наружу. Насколько может себе позволить такая актриса («тихий омут») открыться. Насколько может допустить нас к тому, что является их с поэтом общим сокровенным знанием.

За десять лет, что прошли с тех пор, как в зале филармонии впервые прозвучало:

За этот ад,
За этот бред
Пошли мне сад
На старость лет.—

изменилось многое. Ад и бред меняют очертания, но не разжимают тисков. Цветаевская молитва подступает все ближе к сердцу. И оттого видение сада — вишневого ли, сиреневого ли — все желанней. И все несбыточней.

Сегодня Алиса Фрейндлих читает цикл, который сама составила из стихотворений разных лет, написанных и совсем юной Мариной, и уже все Голгофы прошедшей. Она озаглавила цикл «На трудных тропах бытия» — по строчке из позднего, прощального стихотворения. И читает с высоты женской мудрости, всеведения и прозрения, с высоты ясновидения художника. Рассказывает (просится написать: в своих стихах — столь высок градус лирического «я») о тайнах бытия, о восторге перед бездной тайны творчества. В этом знании нет высокомерия, нет вознесенной над толпой проповеди. Есть исповедь, которой «веришь на слово», потому что в ней сквозит душа. Рифмующиеся «ад» и «сад» существуют в столь напряженном конфликте, что никогда нельзя сказать, какой из этих полюсов пересилит. Побеждает присущая актрисе тяга к гармонии, как отчаяние поэта побеждается музыкой стиха — «льдинкой во рту».

Фрейндлих говорит, что пыталась, насколько это возможно, передать в выборе стихов мятежную кардиограмму жизни Цветаевой. Слову она помогает лишь музыкой интонации, изредка — коротким жестом кисти. Но зал словно током прошивает от неизбывной печали, от трагически неразрешимого стихотворения «Тоска по родине!..», от его финальной паузы:

Всяк дом мне чужд,
всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

В нем снова — тихий вопль одиночества, которое еще надеешься преодолеть.

Означает ли обращение актрисы к Слову, что разочарование в театре опять возобладало? Наверное, нет. Просто театр (на сей раз БДТ) дает ей слишком много свободного времени для сомнений — в себе и в искусстве. Уже много лет эта самая музыкальная актриса Петербурга — без музыкального спектакля. Без ролей, требующих «полной гибели всерьез». Как тут не усомниться?.. Конечно, на ум сразу приходит цветаевское: «Мой день беспутен и нелеп... Луч не вдевается в иголку...». На самом деле сегодня он мало у кого «вдевается». Мало кто способен на чудеса. Особенно в условиях кризиса режиссерского театра. Те, кто и раньше страдал от одиночества и непонимания, сегодня со своим «слишком гордым видом», с особостью, невпопадностью и вовсе не ко времени. Актерская братия пытается спастись самостоятельно — А. Демидова, С. Юрский, О. Меньшиков, А. Феклистов, А. Фрейндлих, В. Стржельчик,—наша «звездная» артель не желает считаться с нетеатральностью времени. Хочет еще и еще раз испытать чувство полета. А что говорить о тех, чьи вишневые сады еще и не цвели ни разу?

Хочется верить, что Алису Фрейндлих театр заманит и закружит еще не раз. Какой-нибудь будущий Анатолий Васильев или нынешний Адольф Шапиро наберется смелости и бросит к ее ногам роль — Федру, Кручинину, Аркадину... И тогда цветаевский цикл, быть может, пополнится еще одним стихотворением:

Есть счастливцы и
счастливицы,
Петь не могущие...

— о призвании, которое и крест, и мука, и единственное счастье.

Елена АЛЕКСЕЕВА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Фото Валерия Плотникова.